

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ОБРАЗА ВРЕМЕНИ
В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ Н.В. ГОГОЛЯ**

Статья посвящена лексическому выражению философской категории «время» в письмах Н.В. Гоголя как фрагменту картины мира творческой личности. Затрагивается понятие индивидуального жизненного хронотопа писателя и его лингвистическая организация.

Ключевые слова: *темпоральная лексика, картина мира, хронотоп, вербальная репрезентация.*

Стаття присвячена лексичному вираженню філософської категорії «час» в листах М.В.Гоголя як фрагменту картини світу творчої особи. Зачіпається поняття індивідуального життєвого хронотопа письменника і його лінгвістична організація.

Ключові слова: *темпоральна лексика, картина світу, хронотоп, вербальна репрезентація.*

This article is devoted to the lexical expression of the philosophical category of time in N.V. Gogol's letters as the fragment of the world picture of the creative personality. The conception of the writer's individual life chronotop and its linguistic explication is also under consideration.

Key words: *temporal vocabulary, world picture, chronotop, verbal representation.*

Время является такой независимой переменной величиной, с изменением которой меняются практически все величины во вселенной. Это становится решающим для интеллектуального и духовного развития человека. Отношение между временными рамками своей жизни и «вечными», духовными вопросами приводит к связи человека и времени, ставя эту философскую категорию на одно из первых мест в системе ценностных ориентаций, особенно если речь идёт о жизненном мире творческой личности. С другой стороны, творчество – это не только создание произведения, но и построение определённой субъективной картины мира со своими пространственно-временными координатами. С этой точки зрения несомненный исследовательский интерес представляет картина мира Н.В. Гоголя – писателя, умевшего находить глубокий жизненный смысл в повседневности, обыденности и оставшегося и по сей день во многом неразгаданной и непостижимой личностью.

Ключом к пониманию многих фрагментов картины мира писателя становится его личная переписка. С.Т. Аксаков, друг и многолетний адресат Н.В. Гоголя, писал: «Гоголь выражается совершенно в своих письмах... Какое наслаждение для мыслящих читателей проследить, рассмотреть в подробности духовную жизнь великого писателя и высококонтрастного человека!»

Н.В. Гоголя нередко называют самым эпистолярным русским писателем. Для него, проводившего много времени в путешествиях, письма играли огромную роль, поскольку зачастую были единственной связью с родными и друзьями. Ю.В. Манн говорил, что письмо в наименьшей степени «художественный образ и часть гоголевской биографии» [1: 141]. Писатель чувствует бег времени, его влияние на материальные и духовные объекты действительности, мысль о времени постоянно присутствует в его сознании, что, несомненно, как следствие, не может не отразиться на языковом уровне.

Важную роль в переписке Н.В. Гоголя играет мотив своевременности. Семантическим противопоставлением «время – не время» наделяются многие темпоральные лексемы. Это может быть своевременность разговора с адресатом и своевременность его восприятия мыслей писателя: *Но об этом придёт время поговорить после. Ни ты не готов ещё слушать, ни я не готов ещё говорить* (А.С. Данилевскому, 14 (26) февраля 1843). Или своевременность того или иного социального поведения в оценке Гоголя: *Ко мне дошли слухи, что вы слишком привязались к некоторым внешностям, как-то: носите бороду, русский кафтан и проч. <...> Я сам питаю отвращение к нашему обезьянскому европейскому наряду...; но знаю, что до времени от многого следует воздержаться и наложить на себя запрет* (К.С. Аксакову, около 8 (20) ноября 1845).

Обладая хорошими организаторскими способностями, Н.В. Гоголь руководил в письмах изданием и постановкой своих произведений. Уловить необходимый момент для этих важных событий – такой, чтобы они совпали с чаяниями публики, власти и времени, – было для писателя необыкновенно важным: *Если б у меня было какое-нибудь имуществво, я бы сей же час отдал бы всё своё имуществво с тем только, чтобы не помещать до времени моих произведений* (М.П. Погодину, вторая половина апреля (до 28-го) 1842). Говоря об этом, писатель отвлекается от наставлений и нравочучений и проявляет неожиданный практицизм: *«Ревизора», я полагаю, не отложить ли до осени. Время близится к лету; в это время книги сбываются плохо и вообще торговля не движется. <...> По крайней мере, так говорит благоразумие и опытность* (С.Т. Аксакову, 1 (13) марта 1841). Особо трепетное отношение, с точки зрения этого аспекта, проявляет Гоголь к своему главному труду всей жизни – «Мёртвым душам». Он нередко говорит, что не наступило время для того, чтобы произведение увидело свет, при этом публика, от которой зависит, как примут новое творение, оценивается крайне нелестно: *Публика может быть умна и справедлива, когда имеет уже в руках что надобно рассудить и <над чем> поумничать. А в желаниях публика всегда дура, потому что руководствуется только мгновенною минутовою потребностью. Да и почему знает она, что такое будет во 2-м томе? Может быть, то, о чём даже ей не следует знать и читать в теперешнюю минуту, и ни я, ни она не готовы для 2-го тома* (Н.Я. Прокоповичу, 16 (28) мая 1843); *«Мёртвые души» тоже тянутся лениво. Может быть, так оно и следует, чтобы им не выходить теперь. Дело в том, что время ещё содомное. Люди, доселе не отрезвившиеся от угару, не годятся в читатели...* (П.А. Плетнёву, 15 декабря 1849). Не только читатели, но и само время в его семантическом наполнении «эпоха, период (в жизни человечества, какого-либо народа, государства, общества)» [2 (2: 806)] жестоко критикуется Гоголем, о чём свидетельствует употребление лексических маркеров *разврат, сутолока, переходное состояние, сумасшедшее, бедно*, придающих негативную коннотацию темпоральным лексемам *время, эпоха: При всём видимом разврате и су-*

толоке нашего времени... (Н.М. Языкову, 14 (26) декабря 1844); *...в эпоху нынешнего переходного состоянья общества...* (В.А. Жуковскому, 29 декабря 1847); **Время настало сумасшедшее. Умнейшие люди завираются и набалтывают кучи глупостей...** (В.А. Жуковскому, 3 апреля 1849).

Современное восприятие написанного противопоставляется процессу творчества, осознанию его автором как вечного в противовес временному и суетному «нынешнему веку»: *Одна только слава по смерти... знакома душе неподдельного поэта. А современная слава не стоит и копейки* (Н.Я. Прокоповичу, 13 (25) января 1837). Время при этом традиционно наделяется семой «судья»: *Ты видишь, что многое здесь темно и неясно, предоставим же лучше времени: оно одно может разрешить, уяснить* (П.А. Плетнёву, между 19 ноября (1 декабря) и 2 (14) декабря 1844). Такое время осмысливается как текущее вовне, объективное.

С другой стороны, письма Гоголя наполнены субъективным восприятием времени. Время характеризуется быстротечностью, но это разное течение времени. Его быстротечность, передаваемая лексемами *бегут, летит, нет свободного часу, быстро*, может объясняться заполненностью занятиями, творческим вдохновением: *Дни бежут в занятиях, время летит так, что не знаешь, откуда взять лишней час* (В.А. Жуковскому, 29 декабря 1847); *Всё время моё отдано работе, часу нет свободного. Время летит быстро, неприметно* (С.М. Соллогуб, А.М. Вьельгорской, 20 октября 1849). Однако в другие моменты Гоголь с горечью чувствует ускользающее время, когда вдохновение его покидает; главенствующими лексемами в этом случае становятся *невозвратно, не успеваешь*: *...строки лепятся вяло, а время летит невозможно* (В.А. Жуковскому, 14 декабря 1849); *Дело моё идет крайне тупо. Время так быстро летит, что ничего почти не успеваешь. Вся надежда моя на бога, который один может ускорить соё медленно движущееся вдохновение* (С.Т. Аксакову, после 9 января 1852).

Время может тянуться медленно в ожидании желаемого, особенно в нетерпеливой юности: *...считаю каждую минуту, каждое мгновение, бегаю на почту...* – Пишет Гоголь матери в 16 лет; *Ты живёшь уже в Петербурге..., а мне ещё не ближе полутора года видеть тебя, и эти полтора года длятся для меня нескончаемым веком* – и в 18 лет своему товарищу Г.И. Высотскому.

В двух последних примерах в пределах одного контекста мы видим употребление как лексем с семантикой времени (*минута, мгновение, полтора года, век*), так и с пространственным значением (*почта, наименование топонима Петербург*). Такое пересечение времени и пространства довольно частотно в эпистолярном наследии Гоголя. Подобное неразрывное единство этих двух философских величин, переходящее в их полное слияние при осмыслении конкретного целого, получило название в литературоведении на уровне художественного произведения хронотоп [3], в лингвистике же на уровне текста – континуум [4]. Часто этот синкретизм находит своё выражение в абстрактно-пространственно-временных и конкретно-пространственно-временных ассоциациях.

Под абстрактно-пространственно-временными ассоциациями понимается сопоставление в контексте лексем, выражающих абстрактные понятие времени и пространства, то есть соотношение *абстрактное время – абстрактное пространство* или наоборот: *...ни разу не ответили вы мне на мои... расспросы относительно вашего местопребывания на будущее время...* (В.А. Жуковскому, 16 (28) марта 1843); *О моих соображениях*

я уже не говорю. Это потребовало бы места и времени... (Н.Я. Прокоповичу, 16 (28) мая 1843).

Конкретно-пространственно-временные ассоциации же могут быть представлены несколькими вариантами.

1. Сопоставлением лексем, выражающих абстрактное временное понятие и конкретное пространственное, т.е. соотношение **абстрактное время – конкретное пространство**, которое чаще всего выражается посредством употребления топонимов: ...*проживи в Москве, хотя для того, чтобы иметь время хорошенько обдумать...* (А.С. Данилевскому, 14 (26) февраля 1843); *Петербург берёт столько времени* (М.П. Погодину, начало октября 1848). В некоторых случаях абстрактность времени может отодвигаться на периферию и уточняться посредством определённых контекстных конкретизаторов. Это, в частности, могут быть лексемы, содержащие характеристику времени года (*тепло, хорошая погода*): *Между тем я сижу ещё в Вене. <...> Время стоит прекрасное. Тепло и вечно хорошая погода* (С.П. Шевырёву, 29 августа (10 сентября) 1839).

2. Сопоставлением лексем, выражающих конкретное временное понятие и абстрактное пространственное, т.е. соотношение **конкретное время – абстрактное пространство**. В таких употреблениях пространство чаще всего передаётся через метафору: *Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии <...> на славу векам* (В.А. Жуковскому, 10 сентября 1831); ...*вырвать у меня последний кусок хлеба, выработанный семью годами самоотверженья, отчуждения от мира и всех его выгод...* (П.А. Плетнёву, 16 (28) марта 1837); ...*встреча эта будет в несколько раз радостней встречи двух товарищей-школьников, столкнувшихся внезапно в стране скуки и заточенья, после долгих лет разлуки* (А.С. Данилевскому, 14 (26) февраля 1843).

3. Сопоставлением лексем, выражающих конкретные временные и пространственные понятия, т.е. соотношение **конкретное время – конкретное пространство**. Это самое частотное употребление в письмах Гоголя. При такой локально-темпоральной смысловой связи одно из значений может передаваться либо эксплицитно, то есть через употребление лексем, входящих в ЛСП или ЛСГ времени или пространства, либо через характерные черты определённых временного промежутка или локальной экспликации, то есть ассоциативно: например, номинация сезона + наименование города по функции и прилагательное, образованное от топонима (*Приход весны в нашу пыльную столицу, которая вовсе не похожа на весну, заставляет меня с сожалением вспоминать о нашей малороссийской весне* (М.И. Гоголь, 22 мая 1829)); лексемы со значением длительности времени (кратковременности) + лексемы с семантической пространства, меры длины и топонимы (*Боже мой, сколько бы экземпляров я бы отдал за то, чтобы увидеть вас хоть на минуту. Если бы, часто думаю себе, появился в окрестностях Петербурга какой-нибудь бродяга... и украл этот несносный кусок земли, эти двадцать четыре версты от петербурга до Цар. Села*)... (В.А. Жуковскому, 10 сентября 1831)); лексемы со значением длительности времени в градационном употреблении + локальная лексема с семой «место рождения» (*С каждым годом, с каждым месяцем разрываются... узы, связывающие меня с нашим холодным отечеством* (А.С. Данилевскому, 4 (16) мая 1838)); наименование временного промежутка через конкретизатор-антропоним + топоним (*Отзывы ваши о помещике вообще отзываются временами Фонвизина. С тех пор много... изменилось в России...* (В.Г. Белинскому, конец июля – начало августа 1847)); лексема,

содержащая сему замкнутого пространства + лексема кратковременности с конкретизатором-указательным словом и пространственным предлогом (*Я пишу к тебе письмо, сидя в **зроте** на **вилле** у кн. Волконской, и в эту **минуту** грянул... роскошный дождь, на жизнь... всему пестреющему **около** меня прозябению* (А.С. Данилевскому, 1 (13) мая 1838)). Последняя иллюстрация демонстрирует, кроме того, «многослойность» пространства: меньший локус (*зрот*) находится внутри большего (*вилла*). Подобный пример находим в письме М.П. Погодину, 20 мая (1 июня) 1847 года: *Ты в **Москве**, где и **утром** и **вечером** отверсты **двери церковные**, где несколько раз в **день обедня** и всякий **вечер всенощная**, где, наконец, есть и духовники, кому исповедать свою **душу***. Контекст богат переплетением локально-темпоральных смыслов и ассоциаций. Здесь есть и лексика, входящая в ЛСП (*утро, вечер*) и АСП (*обедня, всенощная*) времени и показывающая широту возможностей верующего человека, и лексема-локусы во взаимоотношении «одно в другом» (большой – *Москва*, меньший – *церковь* («двери церковные»)), выражающие пространство вовне, и лексема *душа*, реализующая потенциальную сему «внутренне пространство». Последний случай употребления довольно частотен в эпистолярии Гоголя: *Несмотря на моё болезненное состояние..., я слышу и знаю **дивные минуты***. *Создание чудное творится и совершается в **душе** моей* (С.Т. Аксакову, 21 февраля (5 марта) 1841); *С **минут** твоего выбытия в **душе** моей залегла пустота...* (Г.И. Высоцкому, 19 марта 1827). В отдельных случаях сему внутреннего пространства реализует лексема *голова*: *Печальные мысли наперерыв теснятся в моей **голове** и не дают мне **ни минуты** насладиться спокойствием* (М.И. Гоголь, 26 мая 1825).

«Многослойным» может быть и время: *Это великий перелом, великая **эпоха** моей **жизни*** (В.А. Жуковскому, 16 (28) июня 1836). Знаменательность события передаётся употреблением лексемы *эпоха* – «большой промежуток времени, характеризующийся какими-либо выдающимися событиями, явлениями, выделяемый по каким-либо характерным особенностям» [2 (17: 1904)]. В таком контексте в семантической структуре лексемы *эпоха* активизируются семы «выдающиеся», «события», «характерные», «особенности». Семантический план лексемы *эпоха* накладывается на семему лексемы *жизнь* – «время (целиком или частично) от рождения до смерти живого существа, век» [2 (4: 142)].

Хронотоп может быть представлен перифрастическим описанием временного периода через придаточное предложение в сочетании с указательным словом: *С **того времени**, как только ступила моя нога в родную **землю**, мне кажется, как будто я очутился на **чужбине*** (М.П. Балабиной, январь 1842) – обратим, кроме того, внимание на противопоставление локальных лексем *родная земля* – *чужбина*, приобретающих здесь ещё и оценочное значение.

В других случаях хронотоп репрезентируется через отношения:

1) «внутреннего» (*душа, жизнь*) и «внешнего» (*удаление из отечества*, предлог *вне*) пространства в совокупности со временем, выраженным темпоральным прилагательным (*нынешнее*): *Никакое развлечение, никакая страсть не в состоянии была на минуту овладеть моею **душою** и отвлечь меня от моей обязанности. Для меня нет **жизни вне** моей **жизни**. И **нынешнее** моё **удаление** из **отечества**, оно послано свыше...* (В.А. Жуковскому, 16 (28) июня 1836);

2) ограниченного, замкнутого (*стены столицы, маленький Нежин, могила*) и неограниченного (*воздух, деревня*) пространства в совокупности со временем, выраженным

темпоральными лексемами *мгновение, лето, время, теперь*: *Как бы хотелось мне хотя на мгновение оторваться от душных стен столицы и подышать хотя на мгновение воздухом деревни! <...> Как подумаю о будущем лете... Вы помните... как я всегда рвался в это время на вольный воздух, как для меня убийственны были стены даже маленького Нежина. Что же теперь должно происходить в это время, когда столица пуста и мертва, как могила...* (М.И. Гоголь, 2 февраля 1830);

3) векторной разнонаправленности и однонаправленности пространства в совокупности с разнообразными экспликаторами времени. Так, пространство может сочетать и локальную обширность, статичность (*Рим, родина, воздух*), и сворачиваться, уходить внутрь (*душа*), иметь вертикальную направленность (*небо*) и горизонтальную (*даль*); временной же фрагмент хронотопа репрезентируется лексемами повторяемости (*второй раз, опять, тот же, та же*) и предшествования, «доземного» существования (*прежде меня*): *И когда я увидел наконец во второй раз Рим, о, как он мне показался лучше прежнего! ...будто я увидел свою родину, в которой несколько лет не бывал я <...> родину души своей я увидел, где душа моя жила ещё прежде меня, прежде чем я родился на свет. Опять то же небо... Тот же чистый воздух, та же ясная даль. Тот же вечный купол, так величественно круглящийся в воздухе* (М.П. Балабиной, апрель 1838).

Говоря о векторной характеристике хронотопа, нельзя обойти вниманием такую его составляющую, как хронотоп дороги. Хронотоп дороги не просто указывает на взаимосвязь времени и пространства в языке, но и заставляет говорить о триаде: единстве времени, пространства и движения, которое, с философской точки зрения, объясняется особым пониманием активности материи и её темпоральным содержанием в древности, что подтверждает этимология самой лексемы *время* – «кипеть, вертеться».

Хронотоп дороги занимает одно из центральных мест не только в ранней и зрелой прозе Н.В. Гоголя, но и в его эпистолярном наследии и в жизни в целом (из 43-х прожитых лет двенадцать он провел за границей). Важная роль дороги в жизни писателя объясняется в многочисленных исследованиях самыми разными и неожиданными причинами: от глубокого понимания Гоголем географии и географического склада его мышления до одержимости дромоманией – непреодолимой тяге к перемене мест, передвижениям, путешествиям. Важно другое – очевидно, что дорога для писателя это не только перемещение в физическом пространстве, но и стимул вдохновения и движения творчества вперёд.

Хронотоп дороги в письмах Н.В. Гоголя характеризуется следующими чертами.

1. Цикличность времени и пространства. Повторяемость городов в жизненном пространстве Гоголя осуществляется в соответствии со сменой времен года: *...приезжай в Рим. <...> На июнь и июль еду в Германию на воды и, возвратившись, провожу здесь осень, зиму и весну* (М.П. Погодину, 18 (30) марта 1837); *Я нынешнюю зиму провожу в Одессе. Петербургская и московская зима выносятся плохо моим слабым телом. Впрочем, весной полагаю быть в Москве, а летом... в Петербурге* (А.А. Иванову, 16 декабря 1850).

2. Реальное движение в пространстве и времени выступает в качестве отправной точки развития творческой личности, создания произведений, а следовательно, душевного и физического здоровья: *...здоровье моё плохо. Мне бы нужно было оставить Рим месяца три назад. Дорога мне необходима: она одна развлекала и доставляла пользу*

моему бrenному организму (А.С. Данилевскому, 18 (30) июня 18); *Когда мне нужно вдруг сорваться с места и ехать в другую землю, тогда это нужно сделать вдруг. С этим слишком связана творческая моя способность...* (Н.Я. Прокоповичу, 5 (17) апреля 1843) – время (ключевые лексемы *три месяца, вдруг*) + пространство (топоним *Рим, место, земля*) + движение (ключевая лексема *дорога, ехать*).

3. Метафорическое переосмысление дороги как жизненного и творческого пути: *Самое трудное время жизненной дороги уже перемыкано...* (П.А. Плетнёву, между 19 ноября (1 декабря) и 2 (14) декабря 1844); *Вот уже скоро двадцать лет с тех пор, как я, едва вступивший в свет юноша, пришёл в первый раз к тебе, уже совершившему полдороги на этом поприще. Это было в Шепелевском дворце* (В.А. Жуковскому, 29 декабря 1847) – время (гипероним *время, двадцать лет, юноша*) + пространство (ключевые лексемы *свет* (абстрактное пространство) и *Шепелевский дворец* (конкретное пространство)) + движение (ключевая лексема *полдороги*).

Необходимость постоянного движения при отсутствии такового сужает пространство перемещения: *Мне бы дорога... Двух минут я не мог посидеть в комнате, мне так сделалось тяжело, и я отправился бродить по дождю. Я устал после нескольких шагов, но... почувствовал как будто бы лучше себя* (М.П. Погодину, 5 (17) октября 1840) – время (ключевые лексемы *две минуты*) + пространство (ключевая лексема *комната*) + движение (ключевые лексемы *дорога, бродить, несколько шагов*).

В отдельных случаях лексема *дорога* вступает в синонимические связи со словами *странствие* (продолжительное путешествие (обычно по дальним странам, отдалённым местам) [2 (14: 995)]), *путешествие* (поездка для передвижения пешком, обычно далеко от своего постоянного местопребывания [2 (11: 1749)]), *скитание* (*скитаться* – переходить, проезжать из одного места в другое; вести бродячий, неоседлый образ жизни [2 (13: 937)]). Такое употребление расширяет семантическое пространство хронотопа дороги, наделяя его семами «продолжительность», «бродячий», «далеко», что подчёркивает особенности образа жизни писателя, беспокойное душевное состояние творческой личности. Не случайно Ю.В. Манн называет в числе специфических черт хронотопа Гоголя ощущение тревоги, и, хотя литературовед относит эту характеристику к художественным произведениям писателя и объясняет её вмешательством демонических сил [5], полагаем, вполне возможна проекция чувства тревоги и смятения на письма Гоголя, который верил в мистические силы и страшился потери вдохновения.

Как видим, лексико-семантический хронотоп может отличаться различной экспликацией, употребление же темпоральной лексики в таком сугубо личном жанре, как письмо, нередко становится ключом к пониманию внутреннего мира творческой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манн Ю.В. Смелость изобретения: черты художественного мира Гоголя / Ю.В. Манн. – М.: Детская литература, 1985. – 144 с.
2. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти тт. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950 – 1965.
3. Бахтин М.Н. Вопросы литературы и эстетики / М.Н. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.

4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования/ – М.: Наука, 1981. – 139 с.

5. Манн Ю.В. Заметки о «неевклидовой геометрии» Гоголя, или «Сильные кризисы, чувствуемые целою массою» // Вопросы литературы. – 2002. – № 4. – С. 170 – 201.

6. Переписка Н.В. Гоголя: В 2-х тт. / Н.В. Гоголь. – М.: Художественная литература, 1952.

УДК: 81'42:821.112.2'82-32

Курохтина А.М.
(Запорожье, Украина)

КОНЦЕПТ *GÜTE* В ПРОЗЕ ВОЛЬФГАНГА БОРХЕРТА (на материале рассказа „Три темных короля“)

*Статтю присвячено дослідженню концепта *GÜTE* та засобам його мовної реалізації в прозі В. Борхерта (на матеріалі оповідання „Три темних королі“).*

Ключові слова: добро, концепт, концептосистема.

*Стаття посвячена дослідженню концепта *GÜTE* і способам його мовної реалізації в прозі В. Борхерта (на матеріалі оповідання „Три темних королі“).*

Ключевые слова: добро, концепт, концептосистема.

*The article is devoted to the investigation of the concept *GOOD* and the ways of its linguistic realization (based on the story „The three dark kings” by W. Borchert).*

Key words: good, concept, system of concepts.

Вольфганг Борхерт является представителем плеяды немецкоязычных писателей эпохи безвременья немецкой культуры (окончание второй мировой войны). Короткая, но яркая жизнь писателя, как и его произведения (рассказы, притчи, пьеса „Там, за дверью“) пронизаны идеей борьбы между двумя антагонистическими мирами, борьбы между добром и злом. Его гуманистическое и одновременно нигилистическое мировоззрение обуславливает тематику его рассказов, делает их сродни притчам и евангельским текстам.

Именно к таким текстам и относится рассказ „Три темных короля“ („Die drei dunklen Könige“), который и выступает **объектом** данной статьи. В качестве ее **предмета** рассматривается концепт *GÜTE* и средства его реализации в данном произведении.

Понятие „концепт“ является основополагающим в современной парадигме знания и выступает, как правило, „в тройственном ритме «понятие – ассоциация – ценность»“ [1: 81]. Концепт Добро неоднократно становился предметом изучения современной когнитивистики [2: 2-7; 3: 57]. Традиционно он рассматривается как универсальный, регулятивный, параметрический, поскольку предлагает нормы поведения в мире и в обществе [1: 88].

© Курохтина А.М., 2011